

DOI 10.35775/PSI.2025.122.10.006

УДК 32.323

А.В. ГАСПАРЯН

аспирант кафедры сравнительной
политологии Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва
E-mail: alyonagasparian@yandex.ru

КРИЗИС КЛАССИЧЕСКИХ ТИПОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДИЗАЦИИ

В статье представлен критический анализ классических типологий политических режимов, основанных на разделении на демократию, авторитаризм и тоталитаризм. В рамках работы доказано, что данная модель устарела и неспособна адекватно описывать современные гибридные, персоналистские и электоральные авторитарные режимы. Классическая триада политических режимов – демократия, авторитаризм и тоталитаризм – исчерпала свой аналитический потенциал в условиях современных политических реалий, характеризующихся гибридизацией и имитацией. На основе работ М. Дюверже, Г. Голосова, Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского раскрывается кризис традиционных подходов.

В качестве решения предлагается новая, многомерная типология, основанная на двух критериях: доминирующем политическом институте и формах реализации власти (правовые, внеправовые/клановые, неправовые/насильственные). Данный подход позволяет более точно классифицировать и анализировать динамику современных политических систем.

Ключевые слова: политический режим, гибридизация, электоральный авторитаризм, персонализм, тоталитаризм, демократия, типология политических режимов, институциональный анализ, клановый режим, политическая трансформация.

Классические типологии политических режимов, разработанные в XX веке, традиционно выделяли три основных типа: демократию, авторитаризм и тоталитаризм. Однако современные политические системы все чаще демонстрируют смешение признаков этих типов, что нарушает чистоту классической классификации и создает эффект «гибридизации» режимов.

Многие современные политические режимы сочетают элементы персонализма, электорального авторитаризма и институциональной формализации, что вызывает необходимость переосмысления традиционных подходов и разработки новых концептуальных рамок для анализа политической власти и ее легитимности. После окончания Холодной войны ожидалось массовое распространение либеральной демократии, однако в реальности мир столкнулся с ростом

сложных, имитационных, персоналистских и электоральных авторитарных режимов, которые маскируются под демократические институты, но, по сути, сохраняют автократичную природу.

Трансформация политических режимов ставит перед политологией серьезную задачу: не просто классифицировать типы власти, а понять динамические процессы, лежащие в основе современных форм правления, и разработать инструменты анализа, адекватные их многообразию.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 4; 6; 7; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 18].

Однако проблему трансформация политических режимов нельзя назвать однозначно исчерпанной. Следовательно, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью актуализации и расширения теоретических платформ для анализа политических режимов в условиях глобальной политической трансформации и возрастания значения гибридных форм правления.

Понятие политического режима является центральным для современной политической науки, поскольку оно описывает фундаментальные принципы организации и функционирования власти в государстве. Классическое определение, предложенное французским политологом Морисом Дюверже, рассматривает это понятие в двух направлениях. В широком смысле режим – это механизм организации любого общества, тогда как в узком, более прикладном значении, он представляет собой специфические черты правительственной структуры, включая избирательную и партийную системы [19. Р. 15, 48].

Современные исследователи, такие как Григорий Голосов, определяют политический режим как совокупность формальных и неформальных правил, которые регулируют выбор политических лидеров, их пребывание у власти и, следовательно, преемственность власти [5. С. 63]. Представленная дефиниция подчеркивает, что режим – это не только конституционные нормы, но и установившиеся практики, которые определяют реальную расстановку сил и «правила игры» в политической системе.

В рамках этого подхода ключевое различие проводится между демократией, где власть приобретается и утрачивается через свободные и справедливые выборы, и авторитаризмом, где для этого используются иные механизмы.

В то время как демократические режимы основаны на волеизъявлении народа, современные автократии часто маскируются под демократии, используя выборы как инструмент легитимации и контроля. Это явление получило название электорального авторитаризма [5. С. 63]. Такие режимы применяют широкий «меню манипуляций», включающее устранение сильных оппонентов, контроль над СМИ, принуждение избирателей и прямые фальсификации, чтобы гарантировать победу действующей власти. Таким образом, выборы из механизма смены власти превращаются в ритуал ее подтверждения.

Помимо электорального аспекта, автократии классифицируются по характеру правящей элиты и степени институционализации. Барбара Геддес и другие

исследователи выделяют три основных типа институционализированных авторитарных режимов: военные, партийные и монархические. В каждом из них существуют свои специфические, хотя и недемократические, правила отбора лидеров и передачи власти. Однако многие современные диктатуры являются персоналистскими, где формальные институты вторичны по отношению к власти одного лидера, который опирается на узкий круг доверенных лиц.

На крайнем полюсе автократии находится тоталитаризм, который Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский определяют как исторически новую форму правления, основанную на современной технологии и массовой поддержке. Они выделяют шесть ключевых признаков тоталитарного «синдрома» [8]:

- всеобъемлющая идеология;
- единственная массовая партия во главе с диктатором;
- система террористического полицейского контроля;
- монополия на средства массовой коммуникации;
- монополия на вооружение;
- централизованное управление экономикой.

Ханна Арендт подчеркивала, что тоталитаризм принципиально отличается от других диктатур, поскольку его цель – не просто безграничная власть, а глобальное господство и трансформация самой человеческой сущности через идеологию и террор [8]. В отличие от традиционных автократий, которые лишь ограничивали свободу, тоталитарные режимы стремятся к полному и тотальному контролю над каждой сферой жизни общества и личности.

Таким образом, политический режим можно определить как комплексную и динамичную систему формальных и неформальных институтов, правил и практик, которые определяют способ приобретения, осуществления и передачи государственной власти. Данная система формирует уникальный облик каждого государства, находя свое выражение в широком спектре от конституционной демократии с ее подотчетностью власти народу до тоталитарной диктатуры, стремящейся к абсолютному контролю над обществом.

Как видно, одним из популярных подходов к классификации политических систем является разделение режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные. Представленная триада кажется интуитивно понятной, поскольку отражает различные уровни гражданского участия, государственного контроля и применения насилия. Однако на практике, такая простая схема не всегда удобна и достаточна для анализа современных политических реалий.

Основная проблема этой классификации заключается в ее неспособности охватить все многообразие и сложность существующих режимов. В своем анализе Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский выделяют «синдром тоталитаризма» как совокупность шести основных признаков: всеобъемлющая идеология, единственная массовая партия во главе с лидером, система террора, монополия на средства массовой информации, монополия на вооружение и централизованная экономика [3]. Эти признаки формируют новаторскую модель автократии, которая отличается от предыдущих форм автократического правления тем,

что использует современные технологии и массовую поддержку для тотального контроля над обществом.

Ханна Арендт дополняет этот взгляд, утверждая, что суть тоталитаризма заключается в уничтожении политической свободы и человеческой индивидуальности через сочетание идеологии и террора [11]. Террор в этом контексте направлен не на отдельных политических оппонентов, а на так называемых «объективных врагов» – абсолютно невиновных людей, выбранных произвольно. Конечная же цель тоталитарного режима, по Арендт, – переделка самой человеческой природы, что отличает его от традиционных форм диктатуры.

Традиционный авторитаризм характеризуется ограниченным плюрализмом, отсутствием ярко выраженной идеологии и низким уровнем политической мобилизации населения. Однако и эта модель оказывается слишком общей и не отражает сложные современные процессы.

Современные авторитарные режимы научились искусно имитировать демократические институты – проводятся регулярные выборы, функционируют парламенты и партии, но при этом реальная политическая конкуренция отсутствует.

Как отмечает Григорий Голосов, огромное количество автократий сегодня «маскируются под либеральные демократии», используя электоральный авторитаризм как доминирующую форму гибридности [11]. Изложенное и является ключевым вызовом для старых типологий.

Электоральный авторитаризм – это режимы, где выборы проводятся регулярно, но их нельзя проиграть правящей элите. Власть приобретает и удерживается не через выборы, а другими механизмами, хотя выборы играют важную роль в легитимации режима. Для поддержания власти эти режимы используют широкий набор инструментов, которые Андреас Шедлер назвал «меню манипуляций» [11]:

- контроль над полем политических альтернатив путем недопуска реальных конкурентов к выборам;
- монополия на СМИ и использование административного ресурса для продвижения провластных кандидатов;
- давление на избирателей и прямые фальсификации результатов голосования.

Примеры таких режимов можно найти в разных странах. Например, в Египте при Мубараке регистрацией партий занималась специальная комиссия, которая отсеивала любую реальную оппозицию, допуская лишь фиктивные партии, не представлявшие угрозы режиму. В Сингапуре выборы проходят при формально честном подсчете голосов, но жесткое законодательство о диффамации и преследование оппозиционных активистов и их спонсоров не оставляют оппозиции шансов на победу.

Автократы проводят выборы не для передачи власти, а для ее укрепления. Согласно Голосову, выборы в таких режимах выполняют несколько ключевых функций [5. С. 63]:

- разрешение внутриэлитных конфликтов. Выборы служат ареной для урегулирования споров внутри правящего класса;

- кооптация оппозиции. Потенциально опасные оппозиционные политики включаются в структуру государственного управления на второстепенных ролях, что снижает их протестный потенциал;

- сбор информации. Выборы позволяют властям получить более точные данные о настроениях в обществе, чем опросы;

- создание противовеса силовым структурам. Наличие электоральной легитимности помогает диктатору противостоять возможным угрозам со стороны военных или спецслужб.

Таким образом, выборы превращаются в «управляемый политический кризис», который режим использует для укрепления своей власти, обеспечивая легитимность и стабильность, несмотря на отсутствие реальной демократии.

Понятие «персоналистский режим» является одним из самых сложных для точного определения в современной политологии. Основная трудность, как подчеркивает политолог Григорий Голосов, заключается в том, что практически любой политический режим, включая устоявшиеся демократии, в той или иной степени персонализирован [5. С. 63]. Наличие яркого и влиятельного лидера само по себе не делает режим персоналистским в строгом научном смысле.

Ключевой отличительной чертой является не столько концентрация власти в руках одного человека, сколько системная слабость или полное отсутствие действенных институтов, которые должны регулировать процессы прихода к власти, ее удержания и передачи.

В институционализированных режимах, будь то монархия, военная хунта или однопартийная система, существуют четкие правила – формальные или неформальные. В монархии власть передается по наследству, в военной хунте – в соответствии с иерархией в вооруженных силах, а в партийном режиме – согласно внутрипартийным нормам и процедурам.

В персоналистской диктатуре эти механизмы либо отсутствуют, либо носят сугубо имитационный характер. Власть опирается не на институты, а на личные связи, лояльность и ресурсы самого диктатора и его «внутреннего круга». Даже формально существующие структуры, такие как парламент, правящая партия или конституция, на деле не ограничивают правителя, а служат лишь декорацией или инструментом для легитимации его власти.

Ярким примером такого подхода был режим Жан-Беделя Бокасссы, который последовательно объявлял себя военным диктатором, главой однопартийного государства и, наконец, императором, однако суть его неограниченной личной власти от этих институциональных преобразований не менялась. Таким образом, персонализм – это не просто стиль правления, а системная характеристика режима, определяемая кризисом и дисфункцией политических институтов.

Современная политическая реальность требует отхода от классических типологий в пользу более сложных, гибридных моделей, которые лучше отражают,

как современные режимы используют демократические институты для удержания власти.

Чтобы преодолеть ограничения традиционных типологий, Григорий Голосов предложил двумерную модель классификации авторитарных режимов, которая позволяет более точно анализировать их природу. Предложенная модель оценивает режимы не по статичным ярлыкам, а по двум динамическим осям, отражающим степень развития ключевых политических механизмов.

Первая ось – электоральная институционализация. Она измеряет, проводятся ли в режиме выборы и какую роль они играют. Шкала варьируется от нуля, где выборы отсутствуют в принципе (как в Саудовской Аравии), до высокого уровня, где регулярно проводятся многопартийные, но неконкурентные и манипулируемые выборы, служащие для легитимации власти и кооптации элит.

Вторая, более важная ось – специфическая для режима институционализация. Она оценивает наличие и эффективность неэлекторальных правил (формальных или неформальных) для передачи власти внутри правящей элиты. Высокий уровень по этой оси характерен для устоявшихся монархий, военных хунт или партийных режимов, где существуют понятные механизмы преемственности. Низкий уровень, напротив, указывает на отсутствие таких правил, что и является определяющим признаком персоналистского режима.

Комбинация этих двух осей позволяет выделить различные типы авторитаризма. Режимы с низкой институционализацией по второй оси являются персоналистскими. Если при этом они активно используют имитационные выборы (высокий показатель по первой оси), их можно классифицировать как электоральные персоналистские режимы. Эта модель позволяет отойти от жестких категорий и рассматривать режимы в динамике, оценивая реальное соотношение между личной властью и силой институтов. Например, режим может эволюционировать от институционализированного партийного к персоналистскому, если лидеру удастся подчинить себе партийный аппарат, как это произошло в Китае при Мао Цзэдуне.

Эволюция политического режима в России служит наглядной иллюстрацией двумерной модели Голосова. После периода, который Голосов характеризует как «дефективную демократию» 1990-х, в стране начал формироваться электоральный авторитарный режим. Его ключевой особенностью стала прогрессирующая персонализация власти на фоне ослабления всех формальных институтов.

Согласно предложенной классификации, современный российский режим характеризуется низким уровнем специфической институционализации и активным использованием электоральных процедур, что позволяет определить его как электоральный персоналистский.

В этой системе ключевые государственные институты, такие как парламент, правительство и даже правящая партия «Единая Россия», не являются источниками власти или ее ограничителями. Напротив, они функционируют как инструменты в руках верховного правителя, используемые для решения тактических

задач: легитимации власти через выборы, распределения ресурсов между элитными группами и создания видимости институциональной стабильности.

Как отмечает Голосов, базовые институты поддержания власти в России настолько слабы и неформальны, что политика превращается в «игру без правил, царство полного произвола» [5. С. 63]. Любой ход в такой системе может привести к непредсказуемым последствиям, поскольку отсутствуют устоявшиеся механизмы разрешения конфликтов и передачи власти. Это состояние, которое в шахматах называют «цугцванг», когда любое действие лишь ухудшает позицию, создает фундаментальную нестабильность, несмотря на внешнее впечатление прочности режима.

Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что эвристический потенциал классической политологической триады, разделяющей режимы на тоталитарные, авторитарные и демократические, исчерпан. Эта схема, являясь продуктом идеологической борьбы эпохи холодной войны, оказывается неспособной адекватно описать сложные, гибридные и динамично меняющиеся политические режимы современности [17. С. 86].

Она не столько анализирует реальные механизмы власти, сколько выносит нормативную оценку, сравнивая все режимы с идеализированной моделью либеральной демократии, что делает ее неприменимой для объективного исследования таких политических систем, как в России, Грузии или Армении.

Сложные явления, где за формальными институтами скрываются теневые механизмы, а новые, негосударственные акторы претендуют на господство, не могут быть проанализированы с помощью устаревших ярлыков. В связи с этим предлагается оригинальная, многомерная типология, основанная на двух ключевых, деидеологизированных критериях: доминирующем политическом институте, который определяет реальный центр принятия решений, и формах реализации властных полномочий, описывающих методы – правовые (институциональные), внеправовые (клановые) или неправовые (основанные на нелегитимном насилии), – которыми эта власть осуществляется. Такой подход позволяет выделить три основные группы режимов.

Первую группу составляют институциональные режимы, где власть, независимо от ее концентрации, осуществляется преимущественно через формальные, законодательно закрепленные институты и процедуры. При институционально-президентском режиме ключевым центром принятия решений является президент и его администрация, однако их власть реализуется через конституционные механизмы.

Такой режим демонстрирует двойственность: с одной стороны, концентрация власти позволяет реализовывать масштабные национальные проекты, но с другой – существует постоянный риск сращивания власти и крупного бизнеса. Его стабильность опирается на мощь государственного аппарата и легитимность, однако она может перейти в застой при отсутствии механизмов обратной связи.

В свою очередь, институционально-парламентский режим представляет собой систему, где верховная роль принадлежит парламенту, формирующему правительство. Власть здесь деперсонифицирована и принадлежит коллективному органу. Этот тип в большей степени ориентирован на поиск компромисса, однако его устойчивость может быть ниже из-за частых правительственных кризисов.

Тем не менее, при нестабильности правительств сама политическая система сохраняет высокую степень предсказуемости, а права меньшинств, в первую очередь политической оппозиции, являются краеугольным камнем системы.

Во вторую, значительно более сложную для анализа, группу входят внеправовые (клановые) режимы, где формальные институты играют роль фасада, скрывающего реальные механизмы власти, основанные на личной преданности, родственных или олигархических связях. Закон здесь применяется избирательно, как инструмент в борьбе между кланами.

Клановый парламентаризм представляет собой систему, где парламент фактически контролируется теневым лидером (олигархом), не занимающим официальных постов. Депутаты и министры являются назначенцами теневого патрона, а их лояльность обеспечивается доступом к коррупционным схемам. Примером такого режима может служить политическая система в Грузии в период влияния Бидзины Иванишвили, который, по мнению многих наблюдателей, сохранял контроль над правящей партией, покинув официальные посты. Такой режим ориентирован на достижение частных интересов правящего клана, его устойчивость крайне низка, а публичность власти отсутствует.

Клановый президенциализм схож с предыдущим типом, но в качестве фасадного института выступает президент, чьи решения на практике определяются интересами узкого неформального круга лиц – «семьи» или бизнес-партнеров. Такая система приводит к приватизации государства. По мнению некоторых аналитиков, черты такого режима проявились в США в период президентства Дональда Трампа, когда, по утверждениям его критиков, личные связи и преданность зачастую ставились выше институциональных норм.

Устойчивость этого типа может быть выше за счет легитимности, полученной на выборах, но она подрывается коррупционными скандалами и конфликтами внутри элиты [5. С. 63].

Третья группа характеризуется полным или частичным отказом от правовых рамок и осуществлением власти через прямое, нелегитимное насилие. Режим насильственного свержения (хунта) возникает в результате государственного переворота, когда легитимная власть отстраняется силой. Власть переходит к самопровозглашенному комитету, который правит посредством декретов. Примером может служить свержение президента Грузии Звиада Гамсахурдия в 1992 году. Такой режим полностью лишен легитимности, его стабильность держится исключительно на аппарате прямого насилия и террора, а эффективность в созидательных сферах крайне низка [1. С. 39].

Другим неправовым типом является охлократический режим («власть площади»), при котором источником власти становится неинституциональная, хаотичная и эмоционально заряженная толпа. Формальные институты либо парализуются, либо подчиняются прямой воле «площади». Примером можно считать ситуацию в Украине в конце 2013 – начале 2014 года.

Этот режим крайне неустойчив, представляет собой переходное состояние и на практике обслуживает интересы наиболее радикальных и хорошо организованных групп внутри протестного движения. Он может быть эффективен в разрушении старого порядка, но абсолютно неэффективен в управлении и созидании.

Главное преимущество разработанной типологии заключается в ее гибкости и аналитической силе. Она позволяет не только давать более точные и нюансированные характеристики современным политическим системам, но и анализировать их в динамике, отслеживая трансформации и переходы из одного состояния в другое.

Таким образом, отказ от устаревших идеологических ярлыков в пользу многомерного анализа реальных властных практик открывает новые перспективы для объективного изучения современной политической реальности.

Проведенный в статье анализ убедительно доказывает, что классическая триада политических режимов – демократия, авторитаризм и тоталитаризм – исчерпала свой аналитический потенциал в условиях современных политических реалий, характеризующихся гибридизацией и имитацией.

В работе было показано, как такие феномены, как электоральный авторитаризм и персоналистские диктатуры, эффективно маскируются под демократические институты, используя выборы, парламенты и партии не для реализации воли народа, а для легитимации и укрепления недемократической власти. Указанное делает традиционные ярлыки нерелевантными и недостаточными для глубокого анализа.

Критика существующих подходов, включая концепции г. Голосова, Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского, выявила необходимость перехода от одномерных, нормативных классификаций к более сложным моделям, способным уловить динамику и многообразие современных режимов.

В качестве решения этой проблемы в статье предложена оригинальная многомерная типология, основанная на двух ключевых деидеологизированных критериях: доминирующем политическом институте, определяющем реальный центр принятия решений, и формах реализации властных полномочий – правовых, внеправовых (клановых) или неправовых (основанных на насилии).

Представленный подход позволяет выделить и детально проанализировать такие сложные современные формы правления, как институционально-президентские, кланово-парламентские и неправовые режимы (хунты, охлократии), которые оставались за рамками классических схем.

Таким образом, главным выводом работы является то, что отказ от устаревших идеологических конструкций в пользу многомерного анализа реальных властных практик и институтов открывает новые перспективы для объективного

и глубокого изучения современной политической динамики, позволяя анализировать режимы в их сложности и трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Арендт Х.** Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
2. **Ванеев И.М.** Национальная безопасность в условиях идеологического плюрализма // Вопросы политологии. 2025. № 5.
3. **Верченев Л.Н.** Сущность тоталитаризма, его последствия и пути их преодоления (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 1998. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/98-01-008-009-suschnost-totalitarizma-ego-posledstviya-i-puti-ih-preodoleniya-svodnyy-referat>.
4. **Гавров С.Н., Еремкин М.П.** Конституционная реформа 2020 года: укрепление Российской государственности // Вопросы политологии. 2025. № 1.
5. **Голосов Г.В.** Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. М.: «ВЕБКНИГА», 2024.
6. **Грядунов Ю.Ю.** Анализ государственной политики России по укреплению традиционных идеологических ценностей // Вопросы политологии. 2024. № 7.
7. **Заславский С.Е., Лукушин В.А.** К вопросу оценки эффективности современных избирательных систем: правовые рамки и политические практики // Вопросы политологии. 2025. № 4.
8. **Иванов А.О.** Развитие доктринальных подходов к понятиям «тоталитаризм» и «авторитаризм» // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 2 (38) // <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-doktrinalnyh-podhodov-k-ponyatiyam-totalitarizm-i-avtoritarizm>.
9. **Курбанов Н.И., Ушаков В.В., Цапков А.А.** Формирование идеологии России после 2022 года: проблемы и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
10. **Лазебник А.Г.** Корреляции в траекториях политических трансформаций «демократия – полудемократия» и «полудемократия – демократия» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 4 (85).
11. **Малышев М.А.** Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арендт // Антиномии. 2010. № 10 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-totalitarizma-v-tvorchestve-hanny-arendt>.
12. **Медведев Н.П.** Партийные системы и законы Дюверже: к вопросу о теории и практике // Вопросы политологии. 2024. № 6.
13. **Одинокоев М.Д., Трифонов А.Д.** Роль консервативных институтов гражданского общества и партийной системы в консолидации российского общества в условиях нестабильности мирового политического пространства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.

14. Проценко А.В., Бервино Е.Г. Охранительная функция умеренного консерватизма в условиях геополитических трансформаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 10.
15. Сидорова Г.М. Электоральная активность, гражданский и политический активизм как формы гражданского участия, являющиеся основой современного демократического общества // Вопросы политологии. 2025. № 1.
16. Титов В.В. Политика памяти в России: проблема институционализации и стратегического управления // Вопросы политологии. 2025. № 2.
17. Фридрих К., Бжезинский З. Тоталитарная диктатура и автократия. Кембридж (Массачусетс): Harvard University Press, 1965.
18. Фурман Т.Г. Противоречия технологического общества как политико-философский конструкт национальной идеи современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 2.
19. Duverger M. Institutions politiques et droit constitutionnel. Paris, 1966.

A.V. GASPARYAN

Postgraduate of the Department
of Comparative Political Science, Peoples' Friendship
University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

THE CRISIS OF CLASSICAL TYPOLOGIES: THE PROBLEM OF DEFINING MODERN POLITICAL REGIMES IN THE CONTEXT OF HYBRIDIZATION

This article presents a critical analysis of classical typologies of political regimes based on the division into democracy, authoritarianism, and totalitarianism. It demonstrates that this model is outdated and incapable of adequately describing contemporary hybrid, personalist, and electoral authoritarian regimes. The classical triad of political regimes – democracy, authoritarianism, and totalitarianism – has exhausted its analytical potential in the context of contemporary political realities characterized by hybridization and imitation. Drawing on the works of M. Duverger, G. Golosov, H. Arendt, K. Friedrich, and Z. Brzezinski, this article reveals the crisis of traditional approaches.

As a solution, a new, multidimensional typology is proposed, based on two criteria: the dominant political institution and the forms of exercise of power (legal, extralegal/clan, extralegal/violent). This approach allows for a more precise classification and analysis of the dynamics of contemporary political systems.

Key words: political regime, hybridization, electoral authoritarianism, personalism, totalitarianism, democracy, typology of political regimes, institutional analysis, clan regime, political transformation.